

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

FAETON OL'BERS

Faeton Ol'bers

Дневник наблюдателя

«Издательские решения»

Ol'bers F.

Дневник наблюдателя / F. Ol'bers — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501779-6

Молодой учитель, мечтающий о жизни рок-музыканта, наблюдает за вами через свои очки. В «Дневнике Наблюдателя» мы читаем о взрослении человека, скрывающегося за именем Фаэтон Олберс, видим его общение с богом и миром растений. Он столько всего делает не для себя, а в угоду другим людям, что решает создать в своей голове новую вселенную, в которой, в первую очередь, он будет счастлив сам. Мы говорим с автором в его записях, когда никого нет рядом и, кажется, что он понимает нас как никто другой. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-501779-6

© Ol'bers F.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1 Дневники	6
Декабрь '18	6
Октябрь '13	8
Март	10
Апрель	11
Май	12
Июнь	14
Июль	15
Август	18
Сентябрь	20
Октябрь	22
Ноябрь	23
Декабрь	26
Январь	29
Февраль	34
Март	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дневник наблюдателя

Faeton Ol'bers

Знай, то, что тут происходит – это и есть искусство, мы обречены служить ему. Будь то кисть или перо, карандаш с линейкой, струны или клавиши.

*Мы наполняем один кувшин.
Мы черпаем из одного ручья.
Имя ему – уважение.*

© Faeton Ol'bers, 2019

ISBN 978-5-0050-1779-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 Дневники

*«Право, изящный стиль подобен шёлковому полотну, зачастую
прикрывающему экзему.»*

А. Камю

Декабрь '18

1

Я сижу за роялем, 9 утра, жду учеников. Локти опираются на инструмент со звуком «унн ёёу». Я несколько раз повторяю его, пытаюсь услышать звук в буквах. Музыка и литература, кажется, никак не связаны.

Можно сколько угодно слушать Губайдулину, шестидесятников или The Cure и научиться играть похоже, слышать похоже, видеть те же скрябиновские цвета. Наблюдать за течением осени, каждый лист – цветок, и проходить мимо. Всюду проходить мимо, наслаждаться и останавливаться. На третьем этаже слышно, как открывается дверь в парадной, дети бегут: я хочу спрятаться в шкафу или за рояль, таков Ваш учитель – он боится вас сам.

Собирать грибы в лесу и забывать их на лавочке, ловить рыбу и отпускать её. Мы столько всего делаем не для себя, но в угоду, что кажется мир вот-вот разорвётся от почтения и великодушия. Я иду домой в полночь, пинаю листья, и вижу как пьяницы разбивают фонари – им слишком светло сегодня. Напрасно, это сияет моя душа.

Трудно заметить с какого периода обезличенное стало частным, моё мнение подтаивается под мнение других, теперь не идёт вразрез. Всё время помню о том, что внутри – море без конца и края, в нём не за что уцепиться, ни якоря, ни кораблей. Делать на радость другим: мне не сложно, и пусть будет так, и не иначе. Улыбки и довольства останутся с вами, а мне соломенная веточка, что после тоже превратится в песок. Никаких реакций и благодарностей, пускай обращается в прах; я заполню адрес и запомню дорогу домой. Вокруг лес: густой, водяной и мокрый. Краеугольный камень положит начало полярного круга и всех воображаемых линий на горизонте Рованиеми. Считаю минуты, обращаю в часы; сколько ещё нам осталось до бога? Может быть, мой бог – это Санта Клаус, его зовут ещё красивее – Йелоупукки, он живет в Лапландии, катает меня на хаски и тоже избегает людей.

2

Что я делаю? Всё время тяну кота за хвост. Не умею поставить точку, пока не выдохнусь или не решит кто-то за меня; спрашиваю, ищу совета, хотя сам знаю ответ. Не умею забрать вещи и уйти, забываю «стоп слово», даю себе обещания и не выполняю их.

Зачем было сегодня вести урок, если я не хотел приходить? За время работы в школе, она надоела мне, исчерпав себя ещё летом, не нужно было возвращаться к этому, нужно было идти дальше. Каждый раз я прихожу сюда и думаю, что этот день последний; потом прихожу вновь и вновь. Прихожу и кичливо смотрю на эти глухие стены, на свой учительский стол, на маленькое серое окно наверху: никакого духа свободы. Совсем недавно я слышал об этом, помнил, но придя сюда забыл где.

Добрая волшебная сказка вчера рассказывала мне историю о море и маленькой девочке, а сегодня я мучаю детей, себя тоже. Тяну резину, делаю из неё занятия. Сегодня из меня никто не вышел, никакого учителя здесь нет.

Заклучил сделку с самим собой, договорившись, что приду сюда сегодня только если в перерыве между уроками для детей по гитаре куплю себе пива и буду учить соло Сантаны, писать сюда свои ощущения и ждать. Конца рабочего дня, перерыва, недели, когда я окончательно взъерепеню и пойду дальше по своему пути.

Тогда я ещё не знал, что пройдёт несколько моментов времени, и мои «сделки с самим собой» станут требовательнее и искушеннее, что я буду просить себя, умолять в далекой чёрной глубине собственного космоса не курить перед работой в чертовы 8 утра, не мастурбировать всю ночь до потери сознания. Длинная дорога по железному Мёбиусу метро и корпоративный автобус предвещают мне встречу с коллегами, которые захотят поговорить рано утром. И каждый раз я прячу взгляд и бегу.

Но сначала обо всем по порядку, как всё это начиналось:

Октябрь '13 5 лет назад

«В аптеке было два клиента, которым нужен был аспирин и таблетки от желудка. Они заплатили, но никак не могли уйти, и рассматривали витрины, продлевая минуту чуть менее скучную, чем другие минуты у них дома».

Хулио «хорошо-сказал» Кортасар

Я жду поезд, и у меня есть ещё 7 часов. Садясь на экскурсионный автобус, еду по бесчисленному количеству самых разнообразных церквей.

Хорошо ещё, что закрыты аптеки, иначе бы я точно знал как скрасить дотошное время.

Позже:

Минуя утренние позывы встать в уборную, я мастерски проспал половину рабочего дня. Зарядившись по полной: свежесваренное кофе и чумная травка, затянув детский рюкзачок, я собрался на работу. Взял с собой Эдгара По.

Некоторые люди смотрят в метро на меня и на книгу, едва соединяя наши образы вместе. Внешность застенчивого подростка позволяет доходить до состояний полного отсутствия (хорошо, ноги сами умеют ходить), даёт возможность переместиться в свой привычный насыщенный мир образов. Создавать совершенно безмятежный вид вовсе не дурно: занимаюсь своими вещами, строю мосты и жгу избы в голове. Что вы делаете, когда остаетесь наедине с собой?

3

Смысл наших поступков – не более чем ересь, которую каждодневно придумывают люди в происках гордости и зависти за их жизнь. Я благодарен тебе, бог, что этот смысл мне неинтересен и не вовлекает себя в мой рассудок. Пожалуйста, не отвечай мне ни на какие вопросы, не помогай мне в слабости и не облегчай дорогу в пути, я очень надеюсь, я молюсь, что смогу всё сделать сам. Не покидай меня, я чувствую это прикосновение настолько сильно, мне горячо, что пора бы выключить душную печку в этом офисе, она теперь ни к чему. Почему мне кажется, что у нас осталось так мало времени?

Все мои самые трепетные чувства ребёнка я посвящаю тебе. Мне всего 20 лет, и я лечу кометой посреди одинокой вселенной, но я уверен: для тебя это не срок. Как ты относишься к времени? Этот старик еще навещает тебя?

Мне кажется, что я слышу от тебя подсказки, или эти ответы придумываю я сам. Я счастлив и премного благодарен, все яблоки мира отдаю тебе, они и так твои, вот, держи их. Твои ладони настолько теплы и млада твои уста, что, несмотря на долгий век, ты все ещё такой же юнец, как и все мы в этом мире.

Мы движемся с непреодолимой скоростью к вечности, крутимся вокруг и больше всего надеемся увидеть твою улыбку в конце. **Мне хочется сказать за все человечество и за себя, что ты – самая большая победа, которую нам только пришлось испытать.**

Спасибо тебе.

4

Прошло больше года, а я так и не написал тебе письма. Ни одного.

Ни одного росчерка, ни одной поправки, помарки, ремарки. Какая к черту разница? Я не написал ни одного письма, хотя давал обещание самому себе ежедневно писать тебе письма. Знаешь, все эти обещания тщетны, бестолковы, они никогда не исполняются. В отличие от надежд, которые рождаются с безумной скоростью, жаль, что рожают они только себе подобных. И теперь, по прошествии года, я все так же настроен тебе писать.

Ты – вымысел, безучастность моего сознания, излишек воображения, аппендикс, который ни в коем случае нельзя отрезать. Знаешь, я всё ещё тот бесовщик.

Все-таки, я пробовал и написал тебе несколько писем. Их теперь тысячи. Часть из них неотправленные, часть я сжёг потоком огненных слез. Другую часть не донёс до почты, они промокли под московским дождем. Ты же любишь все абстрактное? Сможешь простить меня за эти бесконечные мысли? Мне по-прежнему кажется, что их пишу не я. Кто-то стоит за этой инициацией. Пожалуйста, иницируй и меня тоже. В следующей жизни я хочу быть письмом, которое обязательно дойдёт до твоего адресата, не затеряется почтой, не порвётся, не передумается и переписется, оно дойдет до тебя и почувствует, что ты держишь его, что ты жив и здоров. Что у тебя всё хорошо. Я очень надеюсь на это. Лови еще одно письмо от меня.

Это оно,

первое или последнее.

С любовью, Фазтон Олберс.

Март

5

Мы представляем собой выброс магматической породы, способный на кальные комментарии в интернете, чернуху, фарс, вспышку. Осуждаем, доносим, роемся как муха в куче навозного дерьма. А что-то исправить страшно. А что-то исправить «вроде так тоже неплохо». А что-то исправить кишка тонка. Я – пигментное пятно на заднице времени.

Интересны эти моменты окончания мастурбации и «возвращения». Иллюзии помогают замедлить время и ты можешь отчетливо заметить переворачивающуюся картину перед глазами, когда всё встает на место. Обычно это длится не больше секунды, и, в основном с утра, когда ты только открываешь глаза. Ты видишь, как шкаф возле двери слева медленно встает на свое место и ты теперь видишь комнату целиком. Сонный, ты встаешь, нащупывая тапки и идешь в туалет, напрочь забывая «осознанные сновидения», ночные разговоры в своей голове и головокружительные идеи, которые обязательно с утра начнут сбываться.

Время течет, ты чувствуешь заполнение. Песок сочится сквозь пальцы, воды создают океан. Цитадель времени кажется настоящей идеей, волшебным пением птиц, рекой забвения, которая вдруг случайно ожила этим утром.

6

Витрины в магазинах заставлены продуктами, кассиры предлагают дешево купить шоколад, рыбу, мясные и молочные изделия.

С Российского рынка сняли производство автомобилей Opel и Chevrolet, оставшуюся продукцию распродают с невероятными скидками, возможно даже нам посчастливится урвать кусочек до начала всемирного потопа.

За окном царит праздность, расторопность. Люди ленивы, климатические условия с каждым годом улучшают численность населения: народ ликует и совокупляется на площадях. Восклицает в радостях от дивного бытия!

Извозчик-кучер наемного экипажа улыбается широкой щегольской улыбкой, звонко побрякивая медными 10-рублевыми. Изволите вас подвезти до метро, сеньорита?

Про всех невинно убиенных предпочтительно отмалчиваться, иначе в нынешнем обществе Вас сочтут злодеем и отправят в карцер.

Лиха беда начало?

«Великие бедствия всегда порождали великое изобилие. Они заставляют людей хотеть жить.»

Габриэль «какой-то там» Маркес

Апрель

Оказывается, с некоторыми людьми невозможно дружить. Они абсолютно недружелюбны.

Май

Не общайся со старшими.

Они заберут твоё здоровье, твой настрой, твою молодость, твою юную прыть. Обходи стороной. При вынужденном долгом времяпрепровождении старайся до последнего оставаться в сознании. Обладай собой, закупоривайся, заворачивайся в вакуум, иначе их зараза всеобщего отчаяния неизбежно заползет тебе под ворот.

Не води с ними дружбу. Мудрость не сродни морщинам в уголках рта. Покуда фотоны в тебе бороздят пространство, не общайся с мертвыми: они растащат тебя на куски. Последние крохи склюют голуби, дворник – обезьяна поспешно сметет тебя с тротуара, еще бы, ему обещали повысить жалование. Ему семью кормить надо, между прочим. А не тебе, бессовестному.

Каждый день ты воюешь за территорию, за красивую даму, за кусок повкуснее. Я рисую лилии на поверхности водной глади, сгустки в цветах всё больше напоминают отведенную для Вас роль в миниатюрном спектакле.

Иногда мне снится Дориан и его планета, мы беседуем с ним (один раз даже занялись сексом). Уверен, что буду вспоминать эти моменты с улыбкой. (Что уж греха таить, в других воплощениях, я уже вспоминаю).

Хотелось бы сказать, что теперь я не позволю другим поглощать меня. Weed делает тебя свободного кроя, ранимого, с чистым сердцем и малахитовым взглядом. А когда проступают слезы, все, даже самые незримые озера выходят из своих берегов. Жизнь поглощает жизнь, и, наверное, невозможно иметь всегда чистые помыслы. Слабина чувствуется, как рубиновые исполины среди вегетарианской флоры голодных акул.

Каждая запись рождается из бесед с тобой. Хочется хвастать или смущать тебя своим неуклюжим словом, жаль, что всё подвластно времени: оно забирает образ, превращая набросок картины в настоящий шедевр авангардного искусства.

У меня остаётся самое искреннее – твой ритм. Тот, что отбивают ножкой, кивают в такт, ты мимолетен – но уже в самом сердце.

Когда я уйду, когда время покинет наш дом, останется твоё благословение и музыка, что рождается с каждым днем несокрушимой силой в нашей скромной каморке, которую я, кажется, уже могу назвать своим домом. Ты – паладин, страж этих ветхих деревянных дверей; мы меняем замки, но бояться нам нечего. Всё уже произошло, и ускользнуть за порог может только благодарность за твою бесконечную доброту и любовь.

Спасибо тебе. Я повторяю это в тысячный раз, надеюсь, и он дойдет до адресата.

7

Двери дважды.

В первый раз я зашёл обратно домой, лихо опаздывая на работу. Высокий, статный, словно токарный станок, громоздясь над небом, тучными шагами выбивал я привычный ритм суевой городской жизни. С места в карьер, ускоренным галопом по переулкам, мимо безликих домов, которые множит матрица. Города-миллионники всегда притягивали люд и смрад, отсюда здесь столько «правил-исключений». Но если ты сам как неправильный глагол, то у тебя нет выбора.

«Осторожно, двери закрываются.» Створчатые зубья железной машины хлопают, ты вздрагиваешь сквозь музыку из плеера: чумной парад объявлен открытым. И стоишь посреди него в балетной пачке с голой жопой. Теперь как минимум час ты предоставлен самому себе. В огромной давке, среди сотен точно таких, ты таки находишь в себе отличия. Разительные отличия, что выделяют как количество звезд на погонах. В небе ты бы точно не был таким кретином. Верно? Бороздя просторы далеких иссиня-алых цивилизаций, ты множишь время. Оно представляет собой паутину матрицы, что сплели мы, бережно храня наши знания о лете. Малахитовым взглядом устремиться в бескрайний простор, почувствовать свежий лесной воздух лета... Среди сотен точно таких же планет, ты – странник по звездам, несокрушимый дух, что воюет каждый день с миром, взывая сдаться в бессмысленной войне.

Метро – всегда как маленькая смерть. Закладывает уши, и всё, бац! Ты уже покойник. И тот уставший мужик из метро медленно крадет твой бумажник.

Открывая тугую металлическую дверь на себя, жирный толстяк-коллега отряхивает руку от куриного кляра, желая протянуть ее поздороваться. Он показывает мне на время – 11:20. Ты опоздал. Сумка оттягивает плечо, в этом месте явно не хватает вешалок. Санчос, прозвище толстяка, явно ему не подходящее, зато показывающее его привычку вешаться на шею начальству. Чуть босс даст слабинку и оп! – тучные ножки Санчоса уже всю округивают шею начальника-рептилоида, который, видимо, получает невероятное удовольствие от прикосновения чужих потных стоп. Да-да, они однозначно спят. Девиантное поведение и фут-фетишизм давно стали излюбленным развлечением богатых якутов. Им уже не икру китовую подавай да хлебов заморских, а стопки в винном соусе, желательно молоденьких мальчиков, толстеньких, неуклюжих и таких же померклых, как Саня. 11:20 – самое время, чтобы завалиться на работу и приступить к легкому обеду. Дела идут плодотворнее, когда я сыт. Четверть часа, четверть моего века, отличное время. Я захожу в дверь дважды, чтобы достигнуть плодов в творении. Ставлю чайник, варенье на кухне, и иду обратно, чтобы ждать плодов. Чайник кипит, творение на кухне готово, я нагибаюсь над бонгом и открываю вторую стеклянную дверь.

Июнь

Сны. Путешествую.

Реальность приходит в сны солнечными бликами, приносит лица знакомых, картины событий, воспоминания, ушедшие вместе с тем прекрасным временем.

Никто не знает что происходит здесь. Чудесный мир, многогранный, я бы назвал его удивительной монолитной сферой, прочной, словно страж, охраняющий покои своих тружеников.

Наш прекрасный зелёно-синий мир рождает многоликие картины, которые жители смогут петь голосами самых певчих птиц ещё долгое время. Бесконечное многообразие событий всё еще изредка напоминает пресную кашу непониманий, но всё чаще – удивительный яблочный пирог, что снимает с духовки хозяйка, бережно храня домашний очаг. Уют, будто сотканный из шёлка; здесь всё – ежесекундно, мимолетно, как ловкие руки иллюзиониста. Он великий мастер и я прикладываю перед ним своё колено. Да что уж, отдаю ему поклон до самых пят.

Великая задумка. Я – воплощение всех своих дедов и прадедов, я – крона дерева и во мне воплощены все их образы, мысли, рассуждения и мечты. Мне приходится быть сильным, быть хищной планетой, чтобы пронести историю их жизней – поглощать, узнавать эти новые, интересные миры. Мой дух несокрушим, и он проходит сквозь все призмы пространств; такое далекое путешествие – вот почему я постоянно прихожу с голыми руками.

Чтобы не попасть в психиатрическую лечебницу, где лечат таких же «чудаков», я стараюсь всё записывать. Сейчас на этой орбите технологии позволяют записывать всё на электронные носители, основная же часть по-прежнему остаётся в записях от руки. Каждое слово должно быть сказано и каждая строчка будет написана до конца.

8

Иногда мне кажется, что моё творчество – свалывшийся валик шерсти, что отпрыгивает кошка всегда внезапно и прямо на палас.

Июль

Взорванная планета, дрянной осколок небесной коры, научись уже контролировать свой пыл. Твои выходы приносят страдания любимым людям. Нет природы вещей хорошо-плохо, и после чёрного не обязательно будет белым бело. Ты уже достаточно взрослый, чтобы уметь контролировать свои действия и поступки, находить себя в них. Не ровняй себя с безмозглыми, они есть и будут, и ты сам хочешь, чтобы среди кучи пыльного баракла отыскалась такая янтарная крупца, как ты.

Ты слышал; это огромный минус, это твой огромный минус, который может нарушить всю эту прекрасную идиллию, руби в себе зло на корню, помнишь ведь? Зло внутри нас.

Оно внутри нас.

А ты уже взрослый, хоть и бестолочь.

Интересно, а откуда вы все уже умеете воспитывать кошек, собак, детей, блядей, а я всё мечусь да икринки поедаю, топая ножкой. Буду ответственным за себя, стану серьезным в своих поступках и действиях, мне не нужен контролёр, разрешаю себе ездить осознанным зайцем.

Я однозначно сделал шаг вперёд по линейным образам вселенной, но шаг растягивается, я сажусь на шпагат из-за собственной дурнины. Сито умеет пропускать через себя муку, губка впитывает чистящий бальзам и выносит благо. Будь уверенным в себе, и ты не сможешь посрамить великий путь становления личности.

Контролируй себя. Если тебе захочется грустить или плакать – руби на корню. Эти реки никогда не засохнут, они превратятся в багровую ярость, а дальше вспышки, вспышки и ты опять за решеткой.

Контролируй свою дурнину!

9

Привет,

Сегодня мне снились твои родители. Они очаровательны. Ещё лучше, ещё совершеннее, чем я их представлял. (Хотя, признаюсь, я реже о них думал, чем хотелось бы). Очаровательный отец с красивыми пшеничными волосами, скромно убранными в высокую причёску, и галантная мать, такая, что, если бы не ты, я бы обязательно влюбился в её статью и величие. Я чувствовал с ними себя так легко, так спокойно, хоть и был немного взволнован перед встречей, ведь она была внезапной и удивительной; именно эти люди дали тебе жизнь. Невероятно. Я вижу их свет, всё вокруг сияет и наполняется любовью.

Ты самая красивая дочь великого рыцаря; я смотрю в окна проезжающих домов и не могу сдерживать улыбки: настолько мне комфортно и хорошо. Знаешь, все те реки душевных терзаний стояли этих слов благодарности. Я не говорю их вслух, но я знаю, что это не нужно: твои родители видят это во мне.

Меня встречают вкусной едой, твои многочисленные сестры заплетают мне косы, мы смеемся: этот смех рождён богом, он сопровождает меня по жизни, так же легко и уверенно придерживая под руку, как твой отец. Мы едем в аэропорт, с твоим отцом удивительно спокойно, в машине тепло и пахнет ладаном, я разглядываю пейзажи за окном и улыбаюсь.

Если бы эти полёты могли чем-то помочь, если бы они привнесли хоть толику спокойствия в твою неугомонную душу, сняли бы жажду вечной гонки, всё было бы гораздо проще. Ты вечная странница по длинному звёздному пути. Мы все куда-то едем. Самолеты встречаются в небе и разлетаются кто куда. Они грузны, тонны железа и металла поднимают тебя в воздух, и ты никогда не знаешь, какой из них не приземлится обратно.

Твой дед погиб 8 марта, 2 года назад, прости, что я вспоминаю это сейчас, здесь, стоя в аэропорту, прими мои соболезнования; самолет разгоняется по шасси, поднимает крылья и себя (а может и нас) к небу.

Я вижу твои глаза! Пожалуйста, скажи, как сделать их ещё счастливее?

10

Люди вообще ведут себя странно. Они испуганны и одиноки среди толпы других людей.

Жажда воздуха одолевает меня, сложно дышать; дерево чахнет, листья падают и наступает осень. Конец лета, что я оставил себе на зиму? Август – время собирать урожай. Что этим летом соберешь ты? Сотни пропущенных вызовов, отправленных писем и неспетых песен?

Мне едва минуло 21 год; не много для того, чтобы что-то осмыслить, не мало для того, чтобы научиться понимать. Мы здесь и мы живем на одной планете. Ваши резиновые кольца надеты поверх застывшего мяча в небе: дай мне иголку и я проткну этот воздушный шарик, проткну, и вышью своё имя златистой тесьмой.

Мы осуждаем трусость, но садимся за компьютерный стул, зовёмся «администраторами» и томными, длинными днями перебираем костяшки времени, которое утекло. Этот год был на месте, оставался статичен, сидел на этом самом кресле, среди этих уже побеленных стен: он оставался заперт, внутри меня росли кварталы, зрели фрактальными узорами, запятнанными, стальными, сизыми, небесно-голубых цветов.

Слишком рано, чтобы кончить.

Слишком хорошо, чтобы что-либо начинать.

11

Каждому по возможностям? Мои возможности гораздо больше и круче, чем ваш ёбанный мир; шире, чем самая счастливая улыбка и в сотни раз сильнее, чем поллюции твоего пубертатного периода.

Замолчи и выведи себя на прогулку, у тебя осталось совершенно немного времени, чтобы хоть чему-то научиться, вместо того, чтобы оседлать ламу или залипать за просмотром Наруто. Ты жалкий кусок материи, твоя ткань под ногами – расстилающееся небо, тряпка, намотанная на пасть сосунку, чтобы тот помолчал хоть какое-то время, пока его мамаша вступает в половой акт в коридоре со старой рок звездой.

Сегодня наши спутники долетели до Плутона, а мы так и не научились быть друг с другом искренними.

12

С миру по нитке, отдам всю рубаху.

13

Работа и преподавание, должно быть, действие идентичное. Ведь лучше всего получится сделать то, что мастерски умеешь делать сам. И вот я должен передать опыт. Но что делать, если мастерски у меня получается только волком выть да крутить тугие джойнты?

Август

Возможно все эти страдания идут от любви к творчеству. Оно было забыто, было не востребовано. Зачем существует бездушная музыка?

Быть красивой белой девушкой очень сложно. Это означает, что все самые сладкие прелести мира будут отданы тебе на растерзание: красивые парни, дорогие машины, гладкая поверхность стекла и мягкая шероховатость белых дорог, лучшие наркотики, весь этот смрад и похоть, которые может себе представить самый изощрённо-пытливый ум.

Тут уже и скрывать нечего: моя молодость была очень бедной на казенные золотые. По выходным мы продавали травку, чтобы купить кроссовки, шутили и играли песни в перепадах, а по будням безуспешно травили клопов.

Клоповник – то место, в котором я сейчас живу; клоповый балаган – именно так я могу назвать изобилие людей, идей и прочих явств на обеденном столе мирского пиршества в солнечный уикенд.

Всё катится в тартарары и, казалось бы, куда еще падать, так вот же – посмотри сколько вокруг могил, у всех и погостить не успеешь.

Иногда приходится сложно, иногда ещё сложнее чем «финал»; такой вот ликбез устраивает тот шутник, что зачал меня и вытащил на этот свет.

14

Понимаете, как мало вы живете? Вы, чьё имя, падая с уст, разбивается безмолвно и беззвучно. Сегодня я иду устраиваться на очередную работу, а значит есть отличный повод еще помолчать какой-то период времени.

Мои мысли не смогут накормить мою голодную семью, успокоить кошку, вылечить зуб. Я стал спокойнее и смиреннее.

Что за призмы, через которые я вижу жизнь и почему через них ничего не видно другим людям?

Что ж за сучья работа меня ждёт и как найти её еще быстрее?

В какую сторону должно быть моё отражение?

Если моя матушка будет вкусно потчевать, а я объявлю голодовку, у нас выйдет на двоих сытный ужин?

Дерево зеркально, его корни – крона деревьев, под землёй спрятаны такие же листья, небо и тишина. Недавно я нещадно разорвал слитые воедино листья, внутри них было семечко. Я вторгся в них во время акта проникновения, акта совокупления, акта рождения, из которого выродилась и моя жизнь. (Заставляющая меня посещать собеседования)

Мы что, все неудачники?

15

Текст начинает свою жизнь ещё в голове, еще до того, как обрести себе «смысл». Смысл – понятие наживное. Сначала я появился в утробе матери прежде чем попал наружу. Сначала возникает мысль, похоть моего отца и свобода моей матери. Мысль выбирает узкую тропу,

прежде чем дойти до ручья. Ручей имеет смысл, если из него пьют воду. То есть этот текст, вода и всё кругом появилось раньше меня, ведь смысл – понятие наживное?

Я иду по деревянным брусочкам мостовой, внизу виднеется небо. Лавы облаков горящим пламенем показывают оскал, смотрят мне прямо в зубы.

Сентябрь

Если копать дальше – всегда начинается Ад.

Я надеюсь на вашу сознательность, сам же делая совершенно противоположные безрас-
судные вещи, за некоторые в будущем становится стыдно.

Иногда мне становится стыдно беспричинно, от осознания сколько неприятных мыслей я
принес за цикл своего существования. Во мне рождается эмпатия к любому живому созданию,
и когда ты трясешь таракана в банке, я падаю замертво наземь.

В этой земле лежу я, за окном падают листья, ты можешь не отвечать на мои послания,
возможно, все они были ошибкой.

Какого детям, когда их воспитывают в невежестве и страхе? Моя планета расколо-
лась, разбилась о типичные передраги жизни, это её крест, который, сложив, превращается
в галочку.

Клин птиц галочкой летит медленно над землей, предвещай, пожалуйста, хотя бы следу-
ющее лето счастливым и тёплым.

16

Привет, сладкий февраль, счастливое удушье; все мои новые песни как всегда тебе, слу-
шай их в жаркой пустыне или куда тебя занесёт этот вихрь удивительных снов.

Если бы я только знал, что все люди, с которыми я имел честь быть, останутся настолько
ярко в памяти, останутся словами, знакомыми запахами, событиями, которые уже произошли,
я бы смаковал ими, давился счастливыми вкусами, пил бы их характеры и нравы взхлеб,
ничего не прося взамен. О, если бы эти картины я умел обличать в такие же красивые песни,
звуки фортепиано не прекращались в холле этого помещения никогда.

Я стараюсь учиться, но чувствую, как каменею; такой юный возраст, едва ли можно поте-
рять тягу к знанию, напротив: она растёт с каждым днём. Ежедневные ритуалы тянут всё ближе
к Земле, вместо бесконечных прогулок под звездами, я надеваю шарф: укутываюсь потеплее,
чтобы смотреть конечные сны.

Надеюсь телефон всё сделает правильно, и отправит эти письма по адресату, он такой же
шутник и проказник: любит показать характер в самый неподходящий момент.

С любовью, пылкой и горячей, столько, сколько ты сможешь принять; она уже давно пре-
вратилась в прекрасную реку, напейся вдоволь, надеюсь увидеть твой робкий румянец на этом
волшебном творении жизни.

Оставайся собой, планета имени Фазтон Олберс.

17

Привет, моя мягкая девочка, моя будущая дочь. Твоё пушистое имя уже ласкает мне
слух, а это значит, что совсем скоро мы встретимся. Наверное, ты уже пакуешь чемоданы,
чтобы отправиться в это удивительное путешествие. Я постараюсь быть твоим самым верным
спутником, ты такая серьезная и ответственная, что пожалуйста, дай мне возможность иногда
ошибаться. В нашем мире многое тебе покажется странным, но вскоре – невероятно смешным.

От этого ощущения «смеха внутри» ты уже не денешься никуда; мы будем заплетать друг другу волосы и изучать животных. Я покажу тебе таинства и научу колдовать на звёзды. Если ты сидишь там ещё в раздумьях, можешь смело нажимать на обратный отчёт – время у нас тут другое, и тебе как раз останется немножко, чтобы запаковать свою самую красивую шкатулку любви. Принимай скорее решения и прыгай, мы поймаем тебя. А этот большой волосатый мужчина, что пишет тебе сейчас, будет твоим отцом, он научит тебя самому главному в жизни – музыке и любви.

Октябрь

Когда мы уже станем свободно-владеющими музыкантами?

18

Когда мы уже станем свободно-тлеющими музыкантами?

19

Сны реальны, эмоции реальны, сегодня во сне я видел жизнь, о которой мне поведали эти прекрасные взрослые глаза. Восемь.

Восемь морщинок я насчитываю в голове, стараясь воссоздать час X, час one, час, к которому стремятся все события минувших дней.

Спасибо тебе за всё то, чем наполняется моя жизнь. Лови мои самые влюбленные в жизнь эмоции, я посвящаю их Вам обоим.

И если мы все – единый организм, то ослабляя свои мысли, затянешь ли ты свои сети туже, где я – кокон, сладко укутанный голубым потоком наших ускользающих орбит?

20

Хотелось бы превратиться в лифт под твоими ногами.

Ноябрь

21

Вторая попытка несёт провал, а третья – египетское крушение самолетов, я знаю кто виноват в этом. Это сделал ты.

Эта неделя прошла и выиграна не в мою пользу, но она сразу смогла ответить честностью. В частности, отказом многих. (и от многих).

Надо доотдыхать ещё несколько часов, чтобы с новыми силами ещё неделю покорять атлантический океан. (наверное как раз оттуда родом твоё ледяное сердце)

22

Привет, смятые встречи!

Не знаю кто переживает больше из нас, хотелось бы продлить ещё на 5 минут этот таймер отчёта нашего куриного времени. Я знаю, что оно значит гораздо больше, чем есть сейчас.

На деле же я дарю его первому встречному: безвкусно оформленному старику цветом своего поместья, у которого во власти еще с десяток таких же юных глупых душ, моему начальнику. И он вправе распоряжаться моей судьбой эти 8 часов, пока я жду моменты, когда выбегу отсюда и смогу купить тебе маленький букетик цветов. Надеюсь ты примешь его, как и мои робкие мысли о нашем совместном существовании на этом удивительном висящем в небе огромном шаре из спермы, слёз и терпкого вина.

Изволишь ли выпить со мной бокал местного на закате самых дальних берегов Крыма?

«Господи, я прошу не о чудесах и не о миражах, а о силе каждого дня. Научи меня искусству маленьких шагов. Сделай меня наблюдательным и находчивым, чтобы в пестроте будней вовремя останавливаться на открытиях и опыте, которые меня взволновали.

Научи меня правильно распоряжаться временем моей жизни.

Помоги мне понять, что мечты не могут быть помощью.

Ни мечты о прошлом, ни мечты о будущем. Помоги мне быть здесь и сейчас и воспринять эту минуту как самую важную.»

Антуан-какой-молодец-так-сказал-Экзюпери

23

Цель находит тебя тогда, когда ты подошёл совсем близко и ей уже никуда не деться.

Накануне 22-летия я нашел свою насущную цель. Я нашёл цель, которая (вопреки мучительно-выстраданным предыдущим), обещает быть хорошей и нужной. Надеюсь, она найдёт своё воплощение во мне, в окружающем пространстве, в каждом монолите и в каждой поступке, продолжающемся так же естественно, как рука и предплечье.

Я вижу маяк, подмигивающий мне холодным бетонным глазом. Он спасает южные берега и альбатросов Д-12, ведёт их далеко за видимый край неба и волнующегося паруса корабля. Фонари мигают, я подмигиваю им. Мы пьём чистую воду из родника в лесу нашей любви и не можем напиться.

24

Всё познается в сравнении: сказал я и взглянул на своего ребенка. Он ещё не выговаривает слова, он ничего вокруг не узнает. Каков от него толк, если он не понимает моей речи? Мой ребенок был ученым, археологом, летописцем, он смеялся и воскресал: он был или будет? Я врач-стоматолог, а мой ребенок не умеет разговаривать. Если это мой ребёнок, а я врач стоматологической клиники, то почему мой ребенок не умеет разговаривать? Возможно, потому что молчу и я, опуская в часовое безмолвие десятки людей каждый день. О чём думают люди сидя в стоматологическом кресле? О боли? О любви?

Жалость – дискомфорт, щемящий зуд неглубоко под кожей, так, что этот зуд отвлекает тебя от насущного, пока ты занимаешься своими делами.

25

Бортпроводник, медленно идущий по коридору скучающих лиц, уже понимает весь страх застывшей в небе железной машины. Он идёт к ним с новостями, устремляет свой уставший взгляд в окно. Он думает о боли.

Он думает о любви.

Любовь и боль понятие наживное. Ты сидишь в падающем самолёте, а я сверлю чужие зубы не догадываясь о твоём существовании.

26

Мои друзья, я отказываюсь от вас.

Это сложно, но больше я не дорожу нашим общением.

Наши дороги разные, наши пути вместе становятся исповедимы, скучны, наши интересы всё дальше друг от друга. Мы встретились на светофоре юных надежд и теперь кто-то торопится в банк, я же неторопливо шагаю домой с фильмами Линча из соседнего проката.

Вы изменчивы, как вихрь: он гоняет мельницы, даря людям хлеб и злаки, рассеивает семена по Земле. Вихрь вашей жизни мне не нравится, он мешает идти вперед. Песок из-под ваших пят попадает в глаза и жжёт, я отказываюсь. Я отказываюсь от ваших идей.

После вашего присутствия в моём доме я мою унитаз, меняю полотенца. Вчерашний день нашей встречи, как и другие, были ошибочными. За долгие годы ваше стяжательство и грязь только множилась, стремление к наживе возрастало; я был аутсайдером, объектом услужливых насмешек: никто не говорил мне их в лицо, но я знал, как убедительно они звучат в ваших устах. Хочется умыть вас. Приходите в мой дом без косметики.

Мне не жалко, я горд: меня не обременяет мнение вашего общества. То, что раньше делать было недозволительно в присутствии вас, теперь мы прокручиваем с моей лучшей подругой снова и снова. Любое безумство, любая буря: меня поймут. Меня поймут и самое счастливое (главное): меня уважают.

Теперь я очень горжусь каждой минутой, проведенной вместе.

27

Часть текста здесь была удалена, потому что была написана слишком паршиво.

28

Меня не покидает ощущение рыбы в аквариуме.
Меня не покидает ощущение рыбы в аквариуме.
Меня не покидает ощущение рыбы в аквариуме.

Эта чертова мысль засела так плотно, что в бессилии я могу разве что открывать молчаливый рот и опорожнять кишечник.

Декабрь

Человек из прошлого не может посоветовать тебе ничего хорошего. Особенно ты сам. Я бы прислушался к своим советам из будущего, но увы, я червь и дело моё копошится в собственных отходах, стирая колени на этой земле.

Я ненавижу московских бродяг. В их взгляде нет ничего человеческого. Я сжимаю кулаки и хочу ударить по лицу каждую смятую страницу, каждую повторяющуюся картину зловония вокруг по дороге на эту чертову работу. Ничего ясного в этих глазах нет, старики бредят, не зная, как пережить ещё одну зиму.

Я чертовски устал. Колени воют, на них пластыри, я ползу, в носу нашатырь.

Мы теряемся в горах, задыхаясь морозным воздухом, засыпая, как будто у нас ещё что-то осталось непонятым в рассказах взрослых о жизни.

В ритме 5/2 нет ничего человеческого. Чувство, будто тебе постоянно подпиливают опору, куют огненные тапочки и не дают свободно ходить по шахматным клеткам. Бастион незнакомых лиц сменяется всё реже: теперь он похож на одно большое человекопятно, пассажиропоток. И никаких тебе сооружений, лиц, пицц, всё на одно: всё невероятно.

Невероятно. Я из прошлого – самый примитивный и дурной человек на своём веку.

29

Меня тошнит от самого себя из прошлого. Как же разительно отличается время! Теперь его меньше, оно важнее, необходимее, что, кажется, можно смело вычеркнуть все предыдущие года за ненужностью. Пустошь.

Небо сухой желтой пустыни обещает сегодня быть ясным, но что мне до солнца, если оно светит уже целый век. Оставшиеся в голове влажные земли под кроной деревьев иссохли: ни одного кустарника на несколько гектаров вперед. Я копаю песок ногами, взбираясь на новую гору: возможно оттуда мне привидится хоть какая-то новизна в декорациях или тень.

Начальник, влажно опорожнивший кишечник, заходит в кабинет; его тень остается подле порога. Она как размокший картон, следует по пятнам его тучного тела, всё время находясь рядом: у неё нет выбора.

Я ныряю в сухой кишечник, разрыхляя собой почву: возможно, в следующей жизни я стану удобрением «универсальное», для всех видов плодовых культур: буду подходить и стану помощником. А пока кроны сожгли, ветра дуют мимо; я рою на ощупь и вниз. Ямы в зыбком песке образуют оковы. В детстве была такая игра: нужно закапывать руки поглубже в песок, чтобы откопать их с помощью струи воздуха изо рта, не дотронувшись. Каждый день я откапываю сотни рук от грязи не дотронувшись, а отдохнув, продолжаю копать яму для себя. Как скоро под слоем песка и грязи я увижу твои руки?

30

Дети исправляют ошибки взрослых, всё, что осталось безнаказанным окажется содеянным вашими детьми. Невыстраданные ошибки будут носить в себе люди с вашим лицом. Всё едино, вы целы, вы – себе, я – вам.

Самые смелые и самые тайные идеи придут в голову к вашим детям, наивно думать, что ты один такой на белом свете: посмотри как они все похожи на тебя! Вы едины. Смелчак, павший от пули, жил несколько лет назад: тогда он воевал под горными хребтами Казахстана. А скоро вновь упадёт от вируса черных масс.

Мыслить глубже, шире, интереснее, уметь слышать паузы между строк, соблюдать эти паузы и быть искушеннее. Прощупывать дно уже нет необходимости, оно исследовано и напминает ил. Из литературных открытий этого года – Кьеркегор, из приятных продолжений – Экзюпери, из разочарований – Ошо. Ошо, так умело интригующий в прошлые годы, совершенно нечитаем в этом, равно как и Фромм. Мне недостаёт жесткости, и в последнее время хочется накинуться на окружающих со своими маленькими кулаками, идти воевать и топтать ногой под ритмы Любэ.

Побольше молчи, слушай свой голос.

Я продолжаю заниматься музыкой, и даётся это с наибольшим трудом, когда едва виднеются успехи, я чувствую прилив адреналина, что хочется пробежаться или начать отжиматься (что я иногда исполняю). Путь тернист, жилист и сложен, надеюсь я иду, а не топчу землю виноградными ногами. У меня есть союзники, помощники, благодаря им (а в частности только тебе), я продолжаю эти занятия. Надеюсь когда-то я начну питаться музыкой, приглашу в гости и этими руками приготовлю свежееиспеченный pieblues.

Это был отличный год, спокойный, размеренный, позволяющий поднять голову и взглянуть вперед. Зеркало напротив показало мне интересный портрет. Ретроспектива на заднем плане мелькала, но она лишь отражение нынешнего. Я иду вперед львиными шагами, напрочь забывая знакомые лица и суеты прошлых лет.

31

Мысли о прилежной, размеренной жизни всё еще иногда посещают меня. Кажется, что вот-вот и книги уже на книжной полке, дела на своих местах, дети мирно поют надоевшую песенку.

Раскаяние.

Раскаяние приходит сразу после того, как ты кончишь. Раскаяние, пустота. Возникает самое страшное – чувство удовлетворенности.

Я удовлетворен каждым аспектом своей жизни, а оттого несчастен и безмозгл. Снег падает, куда ему вздумается. А я?

Станцуем вальс под эти фальшивые ноты.

32

Мужчины мне кажутся невероятно скучными персонами, безликими, серыми; ни единого намека на талант. И вот сейчас очередной новоиспеченный юнец плачет в ванной, надеюсь он не разрежет себя особыми прелестями из маникюрного набора. Тирания или Эдем – жить с женщиной?

33

Всё канет в лету. Острова разойдутся, мы превратимся в прах, южные ветра зароят наши могилы. Память о самых счастливых днях теперь родится в ветре, он станет сильным, влажным, как собачий язык или как наши юные сердца. Мы смеялись на перелив, гогоча и писаясь от смеха, а теперь мы лежим и собой увлажняем почву. Я – пришелец, пришедший и принявший все предложенные правила игры, заново воскрес; всё, находящееся здесь, здесь и останется, я ничего не унесу в свой деревянный дом.

Пока мы здесь одно мгновение, я стараюсь дорожить каждой минутой, ежедневно вращаясь в офисное кресло, как гриб, здесь и рядом, и очень далеко. Тяну мгновение и раскачиваю лодку.

Всегда интересно смотреть как рассыпается человек, самому же становится осадком породы – невероятно страшно. Ты позволяешь этой даме убивать себя, и мыслируешь сам. Страдание заложено в нашей крови, оно – наш ген, мой дед был могучим белокожим человеком, теперь он больше походит на универсальный грунт. Возможно однажды мы встретимся с ним в другом времени и месте, когда я открою очередной пятилитровый флакон, чтобы удобрить почву и распахнуть крылья на гибком зеленом стебле.

Книги падают вниз, сохраняя в себе все знания до последней строчки. Я падаю как глина на мягкую поверхность, не в силах сохранить в себе ничего святого.

Самое страшное – оставить свои мысли ещё на одну жизнь.

Январь

Начало замечательного года, потрясающего: волшебство сжимается, спрессовывается в окружающем вакууме, создает веселящий газ: оно вобрало меня полностью и теперь я хихикаю всюду, даже во снах.

Уже получается читать ноты с листа, с невероятным трудом, сбиваясь, голова способна генерировать 2 строчки из 8 на листе: очень мало для того, чтобы свободно плавать, и достаточно для того, чтобы двигаться дальше.

Каждый день 2 строчки нотного стана начинают ухаживать за следующими, они робки, стеснены, естественны: они невероятно влюблены в друг друга. Я едва одолеваю первый куплет. Начинаю отжиматься, но получается так же нелепо как и всё остальное.

Я играю тише и представляю: под мой вальс танцуют счастливые постояльцы, взрослые женщины обладают чистыми глазами, они блестят и смотрят на желанных мужчин. Танцует и мой начальник, добро улыбаясь пышногрудой юристке, они все очень хороши. Я имею счастье работать с такими необычными людьми, они живут в достатке и раскатисто хохочат на весь холл. Мне повезло: моя ли заслуга или удачная раскладка карт у тех стариков на небе, неважно. Каждую минуту или каждый вечер я благодарен тебе, отчет времени для этого не нужен: оно теперь потеряло всякий смысл, когда у меня есть возможность творить. И я никуда не тороплюсь в этот вечер. Проезжие машины крутят колесами быстрее, я замедляю шаг. Планы – это отличная возможность потратить немного времени в нужный час, который потом подарит тебе несколько свободных лет. Tempo rubato или варьирование помогает быть спокойнее, а значит в выигрыше; но вот опять я играю две строчки вальса снова и снова, не понимая, как их познакомить со спутницами из самого ближайшего будущего.

34

Саженьцы, или по-свойски клоны, обещают быть ничуть не хуже большой материнской особи. В природе они могут позволить себе широкий ствол и обилие насыщенной зеленой кроны, иметь возможность выбора времени цветения и другие полюбившиеся законы флоры в диких условиях.

«Flora Seriesъ» – комплексное удобрение, обещает быть полноценной и сбалансированной системой, содержащей все макро и микроэлементы, которые необходимы для поддержания счастливой (семейной) жизни на этой Земле. Я собираю корзину с продуктами в магазине, стараясь не забыть самого главного: немного молочных продуктов, злаки, орехи и те штуки в желтом пакете, которые я называю по-доброму «хлопушки». Когда достанешь упаковку с «хлопушками» перед завтраком, даже домашний скот надеется полакомится этим чудом, идентичным с кошачьим кормом. В составе, в основном, одна целлюлоза, но это в порядке вещей. Я аккуратно заворачиваю их в целлофановый пакет и убираю в пластиковый контейнер. Настоящий дом для любимых хлопущек.

Капельницы, подведенные в бок к каждой барышне так заботливо, напоминают очередь в сетевой продуктовый магазин. Ты, великий житель мегаполиса, имеешь возможность выбирать самые лучшие продукты, иметь четко взвешенную порцию и хорошую грамотную позицию, посещать магазин и делать выбор чем же сегодня утолить свой искушенный желудок.

Назойливая картина перед глазами, описание:

Светлая желтая комната больничного блока, на кровати растянут человек. Он забинтован по рукам и ногам, не знает, что в комнате есть кто-то ещё. Связка бананов в моих руках выглядит жалко, ничуть не лучше индивидуального лотка для личных вещей в холле клиники. Жизнь в коробке – какая разница, во что раскрашена твоя жизнь? Комплексная трубка, подведенная к пищеводу этого мужика, способна выполнять все универсальные функции. Доктор Германн является партнером компании General'Hydroponics и продолжает свои исследования в области удобрений.

Густой слой серой атмосферы оставляет нас быть здесь, населять и насыщать эту Землю. Мы делим все на индивидуальные части, порционные куски, не замечая отсутствия какой-либо разницы. Всё едино. Когда мысли наполняются изумительно-прекрасной музыкой, окружающие отвечают тебе тем же. Ты – отражение. С детского сада мы старательно строим лопатами замки, рушим их, а потом ими же вспахиваем землю.

35

Я – письмо в почтовом ящике, посылка с aliexpress, вскрытая на предмет наличия запрещенных веществ и наспех заклеенная скотчем. Голуби в открытой голубятне замерзают с каждым днём, теперь почту вместо них доставляет чуть поддатый почтальон. Какая разница кто держит тебя в руках, если ты обычная бумага без плоти и вещества? Руки добрых людей горячи как святые источники, они мягче и крепче, особенно если разрывают защитную полосу конверта. Внутри меня – сердце, оно – долгожданная посылка, 3.7\$ с бесплатной доставкой, и ожидание длинной в скучный уикенд.

Надеюсь там, в этом свертке, лежит твоя голова или хотя бы свежая газета с новостями.

36

Пришла пора платить по счетам. Оплатить квартиру, снять показания счетчиков, отложить деньги на покупку пылесоса и купить безлимитный на месяц; вереница дел и изящных цифр занимает своё место на бумаге, теперь ей выделена особая колонка. Ежедневный подсчёт расходов – это то, к чему я надеялся никогда не приду, а сегодня, обрадованный, записываю всё под чистую; ещё бы, ведь это так необходимо – помнить всё до единой мелочи.

Писать каждый день. Очерк, этюд, реплика – что угодно, необходимо учиться писать. Изрыгать волшебные нотки поэзии, читать стихи, читать себя из прошлого. Знакомиться с ушедшими, сумасшедшими, влюбляться в них. (Джек, чертов твой прах из могилы, ты меняешь мне жизнь своими рассказами!) Это глупость или несбыточные поиски, разглядывание сути вещей; микроскоп в руках увеличивает в несколько сотен раз, показывая сверкающую картинку, на которой привлекают внимание ещё больше мелочей, чем меня предостерегали.

Самокопание, или копание в других (любое копание, даже в грязи), не даст мне необходимых ответов. Лопаты, дождевые черви и прочие атрибуты становятся здесь бессмысленны. С каждым годом я убеждаюсь, что на любой вопрос – есть несколько десятков ответов, утвердительные, отрицательные, философские, всё – чушь. Я не могу узнать правды и смаковать это как неопровержимый факт, чтобы успокоить себя в том, что хоть что-то окажется настоящим. Факт нашего непостоянства, пожалуй, единственная постоянная величина. Ответы на задаваемые вопросы не несут смысла, ведь будущее предопределено хотя бы тем, что оно случится. Оно случится в любом случае, даже если такого варианта не было в нашем сценарии. Дуаль-

ность, или поступь по натянутому канату крайностей – ошибка, свойственная многим (особенно мне – разъезжаются ноги).

Из двух зол выбирай третье, хотя бы потому, что оно неизведанно.

Я постепенно прощупываю почву, здесь есть дно и небо и что-то посередине – уверен, самое интересное ещё впереди.

37

Пятница, вечер. Когда остаётся немного времени и единственный собеседник показывает волну 89.1, в холле офиса, уставленного картинами частных авторов, наступает настоящее веселье. Порхающие девушки-львицы марширующей колонной выстраиваются к терминалу, каждый должен отметить себя на «уход»: любая минута на счету, ведь ради них здесь и собрался этот балаган. Меня просят предупреждать заранее об уезде начальства раньше времени, очевидно, это главное преимущество «сидеть на входе» и подле президента фирмы: ты в гуще любых событий. В основном, приятных, ведь именно на этом месте рождается концентрат из стиснутых зубьями правил рабочего поведения и делового этикета.

Отсутствие возможности комфортно писать свои повествования исправляется временем, накоплением собственных взглядов на то, что нравится и что нет. И всё же, в ежедневной писанине есть много лишнего, ненужного, бессмысленного, как и в ежедневном времяпрепровождении на рабочем месте; хотя оно и дисциплинирует, давая немного денег.

Дисциплина – та самая стезя, неподвластная мне многие годы, рушащая любые правила, накопленные временем. Этим я сейчас занимаюсь, хотя, признаюсь, это даётся мне хуже всего. Дисциплинировать – значит приучить себя к обладанию нужными знаниями, приучить беса в своём теле, втереть полезные навыки глубоко под корень, чтобы они сохранились следующим поколениям.

19:03

+3 минуты к переработке.

(Людей, идей и бесполезной информации.)

38

Привычка «садиться на шею» по праву дана каждому человеку и может быть неоднократно опробована и использована. Перкуссия в моих лобных долях с каждым днём становится едва различимой, шумы, зрительные эффекты, всё идёт на спад: уже можно начинать любовную подготовку к Главному Параду. Всему виной изящная январская погода или недостаток вина в устах (умах и сердцах). Безумный месяц, словно огромный глаз наблюдает за нашей каморкой в подвале дома, гремит посудой на ночной кухне. Сжимающий страх проходит сквозь всё тело: «мы здесь не одни». Он отдаётся эхом в больном предсонном воображении и, представив кухонных фантомов самим себе, ты уже летишь по фановой трубе пестрящих сновидений, крепко закрывая глаза. Чувствуют ли завсегдатаи постояльцы моего беспокойного сердца присутствие рядом кого-то ещё, когда остаются одни на ночной кухне, среди ножей, посудных вещей и прочих условностей? Это – моё божественное невмешательство в Вашу непоколебимую; высказанное безъязыким колоколом и выраженное в написанных беззвучных словах.

Червячок-фасолина, живущий внутри этой девушки, постоянно просит есть. Она говорит это нам, и всякий раз это происходит так мило, что я едва сдерживаю слезы, выставя

себя неадекватным посмешищем. Мои червячки, нашедшие своё пристанище внутри меня, носят иной характер и утолением зверского аппетита вряд ли удастся их заморить. Эта девушка смотрит на меня с нескрываемым раздражением, я на неё – с украдкой, исподлобья, ещё бы, настоящий инопланетянин, почему моему глазу недоступно волшебное преобразование внутри её тела? Как увидеть одно драгоценное зерно в целой прорве пшеничных колосьев?

Почувствую ли я твоё невмешательство рядом, когда оно будет необходимо, когда оно наконец сможет стать вершиной всех условностей, вечнозеленым кустарником, или, ежели тебе так удобнее, пахучей монолитной кроной спелых, сосредоточенных к сердцевине, волшебных женских особей этих запрещенных деревьев?

39

Дни тянутся нескончаемо долго, кажется, что завтра наступит через год. Я неправильно расходую время, так что дела, ради которых всё здесь и затевается, проходят в спешке, вереницей и отдаюсь я им не на 100%. Остальное время проходит в праздном безделье, в работе без работы, без прилагаемых сил, без необходимой борьбы, к которой я привык и кажется даже, что здесь нет вершин, которые нужно достигнуть. Вероятно, это не те события и нужно делать что-то совершенно противоположное. Возможно именно это является причиной моего длительного отказа от разного рода психотропных средств. Я смог разрушить хрупкие постройки сооружений подмятой под себя реальности.

Сегодня вечером нужно снять ловец снов, кажется, он ворует мои сны. Уже вторую неделю я будто выхожу из черной проруби, в которой раньше находили себя яркие сновидения. Даже если сны прошлых месяцев каким-то образом оказались запутаны в паутине из зеленых ниток и разноцветных бусин, пусть остаются там, вряд ли они сумеют нашептать что-то особенное.

Капли пота, падающие со лба швеи-трудяги, никогда не замарают моих белых манжетов. Мазки смешанной палитры красок проявляются постепенно на стенах аудитории и слышатся отзвуки лекций, которые больше никогда не прозвучат. Порой можно подумать, что я обречён вечно блуждать по страницам закрытой книги в поисках единожды проявленной жизни, податливой страсти, распушившей хвост, что взмахнув им, навсегда оставила свой магический след в моей памяти. (Вот бы ещё раз испытать что-то подобное)

Занимательно, что, если положить растение перпендикулярно, на бок, сделав варварскую дырку в мешковине, растение не заметит никакой разницы. Несколько дней оно будет искать источник света, и определив его, распахнёт свои широкие листья, давая волю насытиться сочным, наливающимся молочной жизнью, бутонам. Капельки на трихомах, или «каплены», отдают чем-то сладким, свежим и сахарным, сквозь ручной микроскоп они очень похожи на снег. В этом году уже было несколько таких волшебных дней, когда мерцание улиц затмевает любую шумящую мысль в голове.

Хлопчатник распускает свою шевелюру на несколько сантиметров в стороны и, глядя на эту дивную красоту, которую не прочувствовать руками, хочется верить в существование незримой связи между молчаливыми растениями и излишне суетливыми людьми.

После массовой чистки населения во мне не будет никакой надобности, а оттого и не слишком обидно за всякие вирусы свиного гриппа и прочие прелести дисперсного существования. Что мне с того, искать жёлуди я буду здесь или лежа в могиле?

На закромах близ бывшей Волжской Булгарии, на сеновале мы кушали хлеб с вишневым вареньем, и было так вкусно, как никогда.

115 лет с момента написания нынешнего хода событий, куда двигаться дальше – сейчас неизвестно, пояс моих астероидов был расстрелян за близость к среднему роду, за хозяйство в несколько голов скота и за наличие властного языка со срамным чувством справедливости.

Февраль

Подходящий совет: крепко закрепить весло к плоту.

С наступлением нового рассвета, ветхую древесину унесёт течением далеко за версту; мигающие огни далекого неизведанного окажутся вымыслом, ни одной зацепки для глаз на всей панораме случившихся событий. Вокруг только море и пустота. Я медленно привязываю весло к плоту, завтра оно даст мне ориентир куда двигаться дальше. Большая медведица – самый пунктуальный зверь, вот уже 6-ые сутки ровно в полночь она озаряет собой невероятной красоты небо и помогает мне своим расположением достичь берега. Где-то там, аккурат под созвездием всех влюбленных сердец, мои намокшие брусья станут настоящим фрегатом, и я наконец смогу спустить свой якорь. Боль в горле, сковавшая тело от морской воды, обернется былью и мы будем раскатисто петь под завлекающие мелодии молодых красавиц. Одиночество, прочно засевшее в моей печально-странствующей душе много лет, становится для меня голосом, силой матерью, способной на последний крик. Я придумываю всё более изощренные способы победить скуку и мне открываются новые смыслы слова «творец». Когда я покину этот расслаивающийся дом, когда я заново докоснусь берега, вряд ли я буду следить за тем, сколько времени. Зато я точно буду знать, куда держать путь. Часы, мой единственный компаньон на чёртовом плоту, случайно уцелевшие после крушения, идут как назло ровно, секундная стрелка с солдатской точностью отсчитывает свои злополучные, мы беседуем с ней размеренно и ни о чём: что мне от высокопрочной груды металла? Мои карманы пусты, они намокли и источают рыбный запах; я стою один на импровизированной корме судна и молюсь о том, чтобы оторваться хотя бы на шаг и левитировать над Землей.

Это всегда оставалось моим последним желанием.

40

Первое правило, звучащее из любых уст – «сведи за собой» слышится во мне эхом, хлопотным стуком закрывающейся двери в препарадную комнату. Хочется жить в согласии с миром. Видимо, единственный выход – свой собственный.

А пока залпы рокочущего огня ещё освещают небо ночной Москвы, моей энергии хватит чтобы отопить несколько котельных в Капотне. Я иду вперед, стараясь расслабиться, стараясь плыть невесомо, идти в воздухе, парить, а главное – не разрушать. **Когда мы сможем говорить спокойнее, тише, быть аккуратнее и добрее с любыми вещами, до которых только докоснутся наши пальцы, мы сможем обрести любовь и быть гораздо счастливее, чем сейчас в перееденном, бегущем, стонущем месте.** Облака собираются в одну точку на небе, они уже не плывут, за них мы всё делаем сами. Хочется отметить сразу любые несущие бедствия помыслы, не привлекать их, всегда носить с собой решето. Падкие, грязные мысли, рожденные не в моей голове, имеют на меня влияние, серьезное, значимое влияние, любая информация, коснувшаяся моих ушей, остаётся там. Мысли, возникающие в моей голове, выводы или предположения, зачастую носят уничижительный характер. Я не знаю как справиться с этим, возможно медитация или молитва, что-то же должно приносить облегчение. А пока на какое-то время я отказываюсь от собственных мыслей.

41

Идея состоит в том, что толковые люди имеют склонность к заикливанию, из которого их нужно стараться выводить, а у людей недалеких отсутствует это свойство, их расторопность

и суетность не даёт им заикливаться до завидного постоянства какие угодно черты. Занятно это ещё и тем, что, казалось, это придумал я сам пару месяцев тому назад; но оно нашло воплощение сегодня в устах случайного курьера с почтой. Он превзошел меня своим ораторством о служении в воздушных войсках. Незаметно для себя он был благословлен и с верными мыслями отправился далее по своему пути.

Стыд – правая рука совести, возможно её сердцевина. Раньше я не замечал насколько связаны мои поступки со следствием. И симптом «стыда» или беглости, «горячки» всегда неизбежно наступал в следствии моих же проступков. Ложь, в которой находят себя соцветия юных подростков, не найдя ничего в карманах, хороша к обеду: ведь он горячий и приготовлен мамой. А когда каждый день продумываешь индивидуальное меню для своего рациона, ложь, равно как и стеснение, отходят на второй план.

Спеющие бутоны семян и злаков переливчато играют на дне кружки, на затворках окон мерцает иней; он рождает тебя в феврале, погружая в приятные воспоминания. Когда ты принимаешь себя таким, какой есть, со всеми потрохами, скотским помыслом, раскаяниями, голодом и ищущим сердцем, начинаешь видеть природу возникновения вещей. А дальше – глубже, там – выше и скалисто, но зачем мне это, если и из этой крошечной каморки я могу углядеть мириады звезд?

Когда меня сажали за решетку, запихивали головой в узкое межтребное пространство, отделенное ржавым железным полотном от всего мира, клянусь, это был первый раз в моей жизни, когда я усомнился в собственных силах. Мы кормили голубей хлебом, заманивали их в свою клетку, а за окном светило знойное июньское солнце. К концу срока мне даже удалось пронести в камеру карманный плеер и ночи в камере казались не такими одинокими. Мы весело пели дурацкие песни, понимая всё, кроме происходящего. Покинув те края, я больше никогда не сталкивался с такой слепой ненавистью к миру, которой обладают наши доблестные неподкупные. А, впрочем, вещи, которые вспоминать не нужно – вспоминать не нужно.

Было бы здорово радовать своих будущих родных (тебя) тем, что точно в срок наступления их дня рождения давать свои записи в сравнения. Мне было бы очень интересно почитать мысли матери в моем возрасте, но она, к сожалению, ничего не писала. Пока сильная занятость имеет над нами вверх, хорошо обращать полученные знания на созидание. Отпуск уже переминает ножки у порога, скоро появится возможность писать больше, плодотворнее учить, следить за домом, садом, вкусным ужином и нисходящей улыбкой с самого галлюциногенного знакомства, что когда-либо приключалось со мной.

С наступившим 2-семилетием дня рождения или свободы, чего-то такого, что позволит тебе однажды проснуться знаменитым. Я хочу писать тебе много, долго, бесконечно-длинными вычурными прилагательными, которые едва смогут выразить суть естества. Мы сплетаемся как улитки и благодарим нашего бога за то, что он сделал правильный выбор, когда-то познакомив нас. Сам Ра подмигивает нам, набрасывая пушистые сны, смеша нас до коликов, до счастливых слёз, до самого момента засыпания, того самого, где мы вновь встретимся и будем продолжать смеяться над всякими глупостями, имеющими значение только для нас двоих.

Снова снег за окном дышит внутрь запертыми ставнями. Домашний пирог с яблоками на столе для тебя, он свежий, пряный и летний. Самый вкусный пирог тот, который сделал ты сам.

42

Мне некуда торопиться, я нахожусь там, где должен и никак иначе. Ты делаешь шаг, делаешь два, делаешь три. И ты уже не ты, а новый человек. Ты делаешь шаг, делаешь второй, делаешь третий. И ты идешь к Свету.

Иногда мне кажется, что письма к тебе идут через всю вселенную и так и не достигают адресата. Мы прожили тысячи жизней с тех пор как виделись последний раз.

Кто знает сколько писем мы еще отправим друг другу до смерти? Возможно в одном из них мы найдем себя снова.

Я знал, мы идем в правильном направлении, я гордился нами, я любил нас. Новых, других, будущих.

Я знаю, у меня не всегда получалось вести себя правильно. Мои надзиратели всегда сетовали на тебя и говорили, что выпустят меня при условии, если я всерьез разозлюсь на тебя. Они рассказывали про тебя гадости. Но они врал, я точно это знаю, они всегда врут, им нельзя верить, запомни!

Я верю, мы встретимся другими. Однажды Ахиллес догонит черепаху. Мой маленький ученик. Мой мудрый учитель.

43

Я люблю нищету, она свободна в своей бедности.

44

Красные нити поглощающей машины через сетчатую наливную выступают выпуклыми линиями вдоль бедер и туда, повыше колена. Понимая происходящее, радостное безмолвие – лучшее из отсутствующих аргументов. Зоркими напутствиями придвигают со стола колюще-режущие.

Синий – цвет промежуточного звенья, когда ты ещё не до конца уснул или друг не торопится приходить. Силами влажных поправок может доходить до небесно-прекрасного или до цвета изощренного вина. Про меж двух частей этого прекрасного всё представляется нефритово-синим, едва ли можно представить, ещё реже – приобрести.

Лежа в ванне сосновых магален, мечтаешь о том же: лазурь, глазурь и йогурт по утру из выемки пупка какой-нибудь блондинки.

45

Сны появляются исподлюбя, желанья из предплечья, я – из попыток полюбить тебя.

46

Производить – значит процветать.

Гниение – очень полезно, особенно в составе питательной среды.

И, как и в обычных житейских ситуациях, влияние: положительное – 10%, отрицательное – 10%, всё остальное (80%) – инертная масса, не показавшая никаких результатов.

Это здорово, это просто невероятно, что я – среди Вас; симбиоз души и тела, длинных кос участвующих, единой цели, негласно ведёт тебя под руку к прекрасному, к интересующему, неизведанному и очаровательно искреннему. Это правильная, необходимая сторона, иногда даже получается поверить в это всем сердцем. Всё просто: ответы прячутся в уголках глаз смеющегося. Они прячутся там, захлебываясь смехом, как недавно и мы прятались и смеялись в подворотнях зимнего зноя.

Наши родные меньшие, хлорофилловые, отворачиваются от синего спектра. Хочется ещё больше думать об этом (кажется невероятно романтичным). Представляю, как длинноголовые великаны, робко поворачивающие свои верстовые стволы от заносчивого синего спектра, не могут подобрать нужных слов и играют в эти игры, всем известные и аккуратно забытые. (отправлены с описью в архив)

Знание об общих чертах, внешних, внутренних, физически-осязаемых и случайно замеченных, соединяющихся в других, новых людях, дарит теплые улыбки и заполняет полый стебель произведенной начинкой. Выводы – приобретенное свойство переработанной информации, всё чаще я беру себе «таймаут», чтобы ответить на любой вопрос, главное – хорошо обдумать его. Всё время молчу. Слова в голове играют, наливаются густым соком, сочным, хорошо выдержанным, как вечернее вино.

Мы пьём мускатное светлое, самое скромное из этого заведения; питейная, случайно попавшаяся под ноги этой необычной младо-шальной компании, встречает угловато, да какая разница? Ничего не омрачит сегодняшнего радостного.

Мы пьём мускатное светлое и не можем напиться нашей счастливой молодостью, написанной вместе.

Здравомыслящий взрослый человек, главное, воспитанный, всегда будет сторониться резких суждений, избегать в речи крайностей, будет стараться аккуратно подбирать слова, потому что воспитание не позволяет поступать как-то иначе.

Март

Темп мой – очень медленный, голос – спокойный и низкий, умеренный. По крайней мере до вот этих штук (развращающего буйства красок), темперамент представлялся мне таковым. Сейчас по-прежнему мне остается жарко в помещениях и постоянно хочется есть, но уже получается чаще контролировать свои мысли, следовательно, своё поведение. Всё чаще мне становится не стыдно, а смешно от прожитых ситуаций и это значит, что вскоре их можно с такой же лёгкой веселостью забыть. Хотя, если повествовать от 3-го лица, то они были действительно исключительны, изумительны, очень хороши и, право, я невероятно счастлив, что мне удалось всё решить самому. (Самый занятный случай, пожалуй, остается с арестом, как говорят «на посошок» или «из историй после полуночи», когда все мы уже переходим в блюз, надеюсь когда-нибудь удастся написать про него так же легко и смешно. Нужно только время.)

Для женской части моей планеты:

У меня тут было немного мыслей об изменениях, глупостях и удивительном симбиозе женщины и жизни. Мне становится скучно и грустно от уходящих возможностей этих прекрасных увядающих красот, однако же свои я знаю точно: накопление, собирание, но только знаний, не красоты. Не вижу смысла уделять столько внимания расписным ногтям, способам нанесения грима, прочему сумасбродству, хотя это, конечно, имеет полное право на существование.

А вообще мне понравилась эта мысль у Манна:

«Да и существует ли вообще такая область человеческого, пусть наисветлейшая, достойнейшая, которая была бы вовсе недоступна влиянию темных сил, более того, которая не нуждалась бы в оплодотворяющем соприкосновении с ними?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.